

Говард Филлипс Лавкрафт

Зверь в пещере

(The Beast in the Cave)

Ужасная истина, длительное время едва брезжившая в моем усталом, воспаленном мозгу, теперь уже не вызвала сомнений. Я заблудился – окончательно и безнадежно заблудился в огромном лабиринте Мамонтовой пещеры. [Мамонтова пещера – карстовая пещера в западных предгорьях Аппалачей, штат Кентукки; самая длинная пещера в мире (полная протяженность неизвестна; общая длина исследованных ходов составляет ок. 600 км). Издавна известная местным индейцам, пещера была открыта европейцами в 1797 г. Название ее никак не связано с мамонтами, останки которых в этих краях не обнаружены; в данном случае английское прилагательное «mammoth» («мамонтовый») употреблено в значении «огромный» – настолько потрясли первых исследователей размеры подземных залов неподалеку от входа в пещеру. Во второй половине XIX в. пещера стала объектом паломничества туристов, а в 1941 г. она, вместе с участком земли вокруг входа, получила статус национального парка].

Куда бы я ни устремлял свой взгляд, я не мог различить ничего, что помогло бы мне найти путь наружу. Я более не мог тешить себя тщетной надеждой на то, что когда-нибудь перед моими глазами вновь предстанет благословенный свет дня и я снова смогу наслаждаться созерцанием милых моему сердцу холмов и долов внешнего мира. Надежда оставила меня. Однако, к своему немалому удовлетворению, в этой трагической ситуации мне удавалось сохранять самообладание и хладнокровие, воспитанное долгими годами философских штудий. Мне доводилось читать и слышать о том, что жертвы подобных ситуаций частенько впадают в состояние, близкое к безумию, но в отличие от них я не испытывал ничего подобного: напротив, едва осознав, что у меня не осталось ни единого шанса на спасение, я даже как будто успокоился.

Мое присутствие духа не смогла поколебать и мысль о том, что я, скорее всего, зашел в своих скитаниях столь далеко, что очутился в не исследованных еще областях пещеры, куда не заходили поисковые партии. Что ж, размышляя я, если мне суждено умереть, то это мрачное, но в то же время и великолепное подземелье послужит мне не менее удобной гробницей, чем склеп на церковном кладбище.

Я ни минуты не сомневался в том, что мне предстоит смерть от голода. Другие могут сходить с ума, сколько им угодно, но мне-то эта участь не грозила. В моем нынешнем положении мне некого было винить, кроме себя. Воспользовавшись тем, что гид не мог запомнить всех экскурсантов в лицо, я отделился от своей группы и, пробродив около часа по закрытым для туристов туннелям пещеры, обнаружил, что

не могу восстановить в памяти все бесконечные повороты и хитросплетения пройденного пути.

Мой фонарь мало-помалу угасал, и вскоре мне предстояло очутиться в крошечной и почти физически осязаемой тьме земных недр. Наблюдая за тусклым, подрагивающим язычком пламени, что еще теплился под стеклом лампы, я пытался обрисовать себе все детали собственного конца. В моей памяти всплыла газетная статья, повествующая об ужасной судьбе колонии туберкулезников, [...ужасной судьбе колонии туберкулезников... – В 1839 г. врач Джон Кроган основал в Мамонтовой пещере туберкулезный санаторий, но со временем выяснилось, что пещерный холод и дым от костров, на которых готовили пищу, лишь усугубляют заболевание. Состояние пациентов ухудшалось, некоторые из них умерли, и в 1843 г. эксперимент был прекращен. Сам Кроган умер от того же туберкулеза в 1849 г], которые, найдя атмосферу этого гигантского подземелья на редкость оздоровительной (и в самом деле, ее отличали свежий сухой воздух, отсутствие температурных колебаний и, конечно же, полный покой), решили устроить тут нечто вроде курорта, но вместо желанного исцеления нашли жуткую и во многом необъяснимую гибель. Я видел жалкие останки их грубо сколоченных хижин, когда проходил мимо с экскурсией, и, помнится, даже задумался над тем, какой эффект могло бы произвести длительное пребывание в пещере на такого здоровяка, как я. Что ж, мрачно говорил я себе, теперь у тебя есть реальная возможность выяснить это, ибо отсутствие еды как раз и означает весьма длительный переход в мир иной.

После того как мой фонарь испустил из себя последний луч света, я решил со всей тщательностью возобновить поиски выхода, не пренебрегая никакими средствами спасения. А потому, набрав в легкие максимально возможное количество воздуха, я разразился серией протяжных воплей в надежде на то, что хотя бы один из них достигнет ушей нашего гида. Но при этом я втайне был уверен, что все мои крики абсолютно напрасны и что мой голос, усиленный и многократно отраженный от бесчисленных складок нависающего над моей головой темного свода, не будет услышан никем, кроме меня. Однако во время очередной краткой передышки, понадобившейся мне, чтобы захватить в легкие побольше воздуха, я вдруг остановился и замер с открытым ртом: где-то вдалеке мне почудились легкие шаги, почти бесшумно приближавшиеся ко мне по каменному полу пещеры. Неужели избавление пришло ко мне так скоро? Так, значит, все мои дурные предчувствия оказались сущей чепухой! Скорее всего, наш гид, обнаружив пропажу одного из экскурсантов, немедленно направился по моим следам и все это время был где-то неподалеку. Обуреваемый этими радостными мыслями, я уже совсем было приготовился издать еще пару-другую воплей, чтобы облегчить задачу своему спасителю, как вдруг весь мой восторг обратился в непередаваемый ужас, ибо мой и без того острый слух, теперь еще более отточенный царившим вокруг меня вечным безмолвием, наконец донес до моего неповоротливого сознания непостижимую и парализующую истину: шаги, которые я слышал, не могли принадлежать человеку. В могильной тишине этого исполинского подземного грота тяжелые туристские ботинки должны были производить резкие, грохочущие звуки, а то, что я слышал,

было мягкими вкрадчивыми шажками, характерными для грациозной поступи представителей семейства кошачьих. Кроме того, напряженно вслушиваясь в окружавшую меня тьму, я иногда различал поступь четырех, а не двух ног.

Теперь я уверился в том, что мои дурацкие вопли привлекли внимание какого-то хищного зверя – возможно, пумы, – который случайно забрел в пещеру. Возможно, подумал я, Всемогущий решил подарить мне более скорую и милосердную смерть, нежели мучительное увядание от голода. Несмотря на все эти мысли, никогда не дремлющий инстинкт самосохранения уже завладел мною, и, проигнорировав то обстоятельство, что избавление от этой новой опасности лишь обречет меня на длительные смертные муки, я решил как можно дороже продать свою жизнь. Как это ни странно, но я ни на секунду не усомнился в том, что моим неведомым визитером движут исключительно враждебные намерения. Учитывая ситуацию, я затаил дыхание в надежде на то, что неизвестный зверь, утратив звуковые ориентиры, собьется с пути и проследует мимо меня по одному из соседних коридоров. Однако этой надежде не суждено было сбыться – странные шаги неуклонно приближались. Очевидно, животное выследило меня по запаху, что вовсе не удивительно, принимая во внимание чистоту здешнего воздуха и отсутствие в нем свойственных наружному миру примесей.

Решив, что мне лучше вооружиться на случай внезапного и невидимого нападения, я принялся шарить по каменному полу пещеры, пытаюсь выудить из разбросанных по нему скальных обломков кусок помассивнее. Наконец мне удалось обнаружить два подходящих экземпляра. Зажав по одному в каждой руке, я прислонился к стене и принялся хладнокровно ожидать неминуемой развязки. Тем временем звук шагов раздавался все ближе и ближе. Невидимое животное вело себя на удивление странно. По большей части, оно передвигалось как четвероногое, правда, его передние и задние ноги не всегда ступали согласованно; бывали моменты – достаточно редкие и непродолжительные моменты, – когда оно, казалось, использовало всего две конечности. Размышляя над природой своего гипотетического противника, я в конце концов пришел к выводу, что это был какой-то несчастный обитатель здешних гор, подобно мне, расплачивающийся за свое неумное любопытство пожизненным заключением в исполненной тьмы бездне гигантской пещеры. Без сомнения, все время своего пребывания здесь он питался слепыми крысами, летучими мышами и рыбами, а может быть, и зрячими сородичами последних, обитающими в притоках Грин-ривер, чьи воды неизвестно каким образом связаны с подземными резервуарами гигантского подземного грота. Я скрашивал свое безмолвное ожидание предположениями о том, как мог измениться внешний облик зверя в связи с длительным пребыванием в здешних условиях, и, признаться, не раз содрогнулся, припомнив местные слухи об ужасающем виде бедолаг-туберкулезников, скончавшихся в пещере. Затем я вдруг вспомнил о том, что, даже если мне повезет и я выйду из грядущей схватки победителем, мне все равно никогда не увидеть истинного облика моего противника, ибо мой фонарь давно потух, а спичек у меня при себе не было. Я почувствовал, как овладевшее мною напряжение становится невыносимым. Мой взбудораженный рассудок одну за другой преподносил мне картины самых невероятных существ, затаившихся в окружавшей меня тьме, пока мне не стало

казаться, что они и в самом деле прикасаются ко мне. Все ближе и ближе раздавались ужасные шаги. Может быть, мне следовало закричать, но я знал, что, даже если малодушие и подтолкнет меня на это, мой крик все равно останется без ответа. Я попросту окаменел от ужаса и изрядно сомневался в том, что моя правая рука повинуется мне, когда в критический момент я прикажу ей бросить камень в приближающегося зверя. Наконец осторожные шаги послышались в непосредственной близости от меня. Зверь был очень близко. В темноте уже было отчетливо слышно его тяжелое, затрудненное дыхание, и, сколь бы ни велик был мой страх, я все же сообразил, что он пришел откуда-то издалека и порядком устал. И в этот момент сковывавшие меня чары рассеялись. Доверившись своему слуху, я размахнулся и что было сил швырнул кусок известняка с заостренными краями в том направлении, откуда исходили шелест шагов и надсадные хрипы, сопровождавшие дыхание зверя. Замечательно, что в условиях абсолютной темноты я чуть было не попал в цель – во всяком случае, я отчетливо слышал, как животное отпрыгнуло на порядочное расстояние и затаилось.

Сориентировавшись на новую цель, я послал в своего врага еще один обломок скалы и на этот раз не промахнулся: к моей великой радости, я услышал, как загадочное существо грохнулось на каменный пол и осталось там лежать без движения. Почти обессилев от внезапно нахлынувшего на меня облегчения, я привалился к стене туннеля. Но дыхание во тьме не смолкло – оно лишь стало более хриплым, прерывистым и каким-то стонущим, из чего я заключил, что вовсе не убил, а всего лишь ранил зверя. После этого открытия все мое желание обследовать загадочную тварь моментально улетучилось. Некое странное чувство, родственное безосновательному суеверному ужасу, переполнило все мое существо, и я не только не подошел, чтобы взглянуть на своего поверженного противника, но и не стал предпринимать дальнейших попыток закидать его камнями и таким образом закончить свое дело. Вместо того я повернулся и стремглав бросился по коридору в том направлении, откуда (как мне подсказывал мой почти парализованный страхом и отчаянием мозг) я пришел. Внезапно я услышал новый звук – вернее, целую последовательность звуков. То был размеренный топот ног, одетых в тяжелые, подбитые железными подковками ботинки. На этот раз сомнений быть не могло. Это был гид! Потом я кричал, вопил, орал и, пожалуй, даже стонал от радости при виде замаячивших на сводах пещеры желтоватых бликов, которые не могли быть ничем иным, как отсветом фонаря. Я бросился на свет и, прежде чем сумел понять, как это произошло, уже лежал у ног своего спасителя, цепляясь за его башмаки, и, забыв про свое хваленое хладнокровие, нечленораздельно выплескивал из себя все пережитые мною страхи пополам с самыми непонятными выражениями благодарности, которые кому-либо на свете доводилось слышать в подобной ситуации. Постепенно я все же пришел в себя и кое-как обрел присутствие духа. Оказалось, что гид заметил мое отсутствие вскоре после того, как мы вошли в пещеру. Руководствуясь свойственным ему инстинктом, он вернулся к тому месту, где мы разговаривали с ним в последний раз, и, обследуя одно за другим все попутные ответвления пещеры, после четырех часов поисков нашел мой туннель.

К тому времени, как он закончил свой рассказ, я уже заметно приободрился. Присутствие живого человеческого существа и яркий свет лампы вдохнули в меня

утраченное было мужество, и, вспомнив о звере, раненном мною в нескольких десятках метров отсюда, я предложил своему спутнику исследовать загадочное существо, ставшее моей жертвой. Мне удалось проследить недавний путь к месту моего ужасного испытания. Вскоре перед нами замерцал в свете фонаря некий белый предмет, отчетливо выделявшийся на светлом фоне известняка. Осторожно приблизившись к распростертому на камнях телу, мы не смогли сдержать удивленного восклицания, ибо нашим глазам предстало самое кошмарное чудовище из всех, что нам обоим когда-либо доводилось видеть. Более всего оно было похоже на крупную человекоподобную обезьяну, сбежавшую из какого-нибудь странствующего цирка. Его волосы были ослепительно белыми, что, без сомнения, было следствием долгого нахождения в чернильных безднах пещеры, куда не проникал ни один луч солнца. Гораздо труднее было объяснить тот факт, что на большей части его тела волос вообще не было! Исключение составляла голова, целиком заросшая неимоверной длины растительностью, которая грязными и спутанными лохмами свешивалась на плечи чудовища. Зверь лежал ничком, и потому мы не имели возможности взглянуть на его морду. Передние и задние конечности были развиты явно непропорционально, что, впрочем, объясняло его странную манеру передвигаться, что так поразила меня ранее. Кончики пальцев зверя заканчивались длинными когтями, слегка напоминающими человеческие ногти. При этом его конечности были явно не приспособлены для хватания. Я посчитал, что они утратили эту способность ввиду все того же длительного пребывания в подземелье, тем более что на это совершенно недвусмысленно указывала превалирующая и даже какая-то неестественная белизна, свойственная всему кожному покрову существа. Никаких признаков хвоста мы не обнаружили.

Дыхание животного становилось все слабее, и мой спутник уже поднял было револьвер, чтобы избавить его от лишних страданий, когда оно вдруг испустило слабый звук, заставивший гида выпустить оружие из рук. Я не могу в точности описать этот звук – знаю только, что его не мог издать ни один представитель животного мира. Возможно, что присущее ему необычное качество объясняется продолжительным периодом существования в условиях абсолютной, ничем не прерываемой тишины, а также внезапным появлением света, которого несчастное существо не видело с того времени, как заблудилось в пещере. Так или иначе, звук этот, более всего похожий на басовитое бормотание, продолжал раздаваться у наших ног. Внезапно по телу животного пробежала сильнейшая судорога, конечности напряглись, пальцы сжались в конвульсиях. Содрогнувшись всем телом, белая обезьяна одним рывком перекатилась на спину, обратив к нам лицо. Несколько мгновений я стоял как вкопанный. Я был настолько поражен видом глаз существа, что не помышлял ни о чем происходившем вокруг меня. Глаза были черными – глубокими и беспросветно-черными. Они, как угли, выделялись на фоне его белоснежных волос и светлой кожи. Как и у прочих обитателей подземных полостей, они глубоко запали в глазницы и казались лишенными зрачков. Нагнувшись поближе, я обнаружил, что лицо существа было более плоским и имело более густой и длинный волосяной покров, чем у большинства обезьян. При этом его нос был гораздо крупнее обезьяньего.

В то время как мы с ужасом взирали на представшее нашему взору отвратительное зрелище, толстые губы чудовища раскрылись, и до нашего слуха донеслось несколько звуков иного качества. Затем существо умолкло навсегда.

Дрожавший с головы до пят гид принялся яростно трясти меня за рукав куртки. Фонарь у него в руке ходил ходуном, отчего на сомкнувшихся вокруг нас каменных стенах плясали самые невероятные тени.

Я не отвечал на его отчаянный призыв, но продолжал неподвижно стоять посреди туннеля, уставившись на тело у меня под ногами.

Затем обуревавший меня ужас сменился удивлением, гневом, состраданием и сознанием вины. Ибо последние звуки, исторгнутые распростертой на известняковом полу фигурой, открыли нам ужасную истину: убитое мною существо, загадочный зверь, обитавший в темных подземных безднах, был – по крайней мере, когда-то в прошлом – ЧЕЛОВЕКОМ!!!

Перевод: Игорь Богданов
1993 год

1. Рассказ написан 21 апреля 1905 г. (автору тогда было 14 лет) и впервые опубликован в журнале «The Vagrant» в июне 1918 г.

2. Мамонтова пещера – карстовая пещера в западных предгорьях Аппалачей, штат Кентукки; самая длинная пещера в мире (полная протяженность неизвестна; общая длина исследованных ходов составляет ок. 600 км). Издавна известная местным индейцам, пещера была открыта европейцами в 1797 г. Название ее никак не связано с мамонтами, останки которых в этих краях не обнаружены; в данном случае английское прилагательное «mammoth» («мамонтовый») употреблено в значении «огромный» – настолько потрясли первых исследователей размеры подземных залов неподалеку от входа в пещеру. Во второй половине XIX в. пещера стала объектом паломничества туристов, а в 1941 г. она, вместе с участком земли вокруг входа, получила статус национального парка.

3. ...ужасной судьбе колонии туберкулезников... – В 1839 г. врач Джон Кроган основал в Мамонтовой пещере туберкулезный санаторий, но со временем выяснилось, что пещерный холод и дым от костров, на которых готовили пищу, лишь усугубляют заболевание. Состояние пациентов ухудшалось, некоторые из них умерли, и в 1843 г. эксперимент был прекращен. Сам Кроган умер от того же туберкулеза в 1849 г.